

**Александр
Гезалов**

Издательство Игоря Розина

**Александр
Гезалов**

СОЛЕНОЕ **ДЕТСТВО**

УДК 882
ББК 84(2Рос=Рус)6
Г28

Книга увидела свет при поддержке:
– АНО «Скорая педагогическая помощь» (г. Челябинск);
– Волонтерское движение «Солнечный день» (г. Челябинск),
www.sunnynchel.ru

Александр Гезалов – в прошлом детдомовец, а ныне известный общественный деятель, международный эксперт по социальному сиротству стран СНГ, эксперт Общественной палаты РФ, шеф-редактор нескольких сайтов, посвященных детям-сиротам.

Наше издание включает две его книги, адресованные как детдомовцам, так и всем неравнодушным людям. «Соленое детство» – это автобиографическое повествование о судьбе брошенного родителями ребенка, о его жизни сначала в детдоме, а потом – после выпуска – и «в большом мире». Это документальное свидетельство автора о том, как невероятно трудно сохранить свою душу и реализоваться ребенку-сироте в сегодняшнем социуме, и одновременно доказательство того, что это возможно.

Название второй книги, «Просто о сложном. Для успешных сирот», говорит за себя. Эта книга – обращение автора к выпускникам детских домов. Это душевный разговор старшего с младшими, это основанная на собственном опыте попытка дать им руководство к действию, подсказать, поддержать и вдохновить на нелегком пути.

Г28 Александр Гезалов
Соленое детство. – Челябинск: Издательство Игоря Розина, 2013. – 200 с.

УДК 882
ББК 84(2Рос=Рус)6

© Текст – Александр Гезалов, 2013
© Издательство Игоря Розина, оформление, 2013

СОЛЕННОЕ **ДЕТСТВО**

От автора

Мне кажется, я всегда мысленно что-то пишу. Или смотрю фильм – прокручиваю перед мысленным взором невидимую пленку, на которой события, лица, судьбы разных людей. И большое желание – достать всё это «изнутри» и показать всем.

Люблю наблюдать за людьми. Например, в автобусе разглядываю кого-то и замечаю на руке наклочку «Валя». Вглядываюсь в лица состарившихся людей, тех, кто уже начал ветшать. Смотрю на детей, идущих рядом с родителями. Всматриваюсь в ночные окна, пытаюсь представить, что там, за шторами... Зачем мне это, почему?.. Не знаю.

Зачем я, уступив своему невнятному желанию, взялся за перо, чтобы рассказать о своем «соленом» детстве?.. Тоже не знаю.

Мне бы очень не хотелось, чтобы, читая эти строки, вам показалось, что я хочу разжалобить кого-то, чтобы меня кто-нибудь пожалел. Нет. А хотелось бы, чтобы, прочитав воспоминания о «соленом» детстве, у кого-то дрогнуло сердце. Может, этот кто-то вспомнит о своих детях. Где они, что с ними? Или, встретив ребенка из детского дома, вы будете готовы не только «жалеть», а искренне помочь

такому ребенку. Всего-то и надо – поучаствовать в его судьбе. Часто до этого не доходит, «дядина-тетина» конфета уже считается участием... И где та золотая середина, когда, оказав помощь и содействие сироте, нужно вовремя отойти, дать ему самому шанс и возможность сделать первый самостоятельный шаг в жизни? Он-то чаще всего не понимает, что ваша помощь не может длиться вечно и только он сам может помочь себе...

О себе и товарищах моих, их судьбах я старался писать максимально правдиво, так как считаю, что важно написать именно правду. Может, правда расставит всё на свои места спустя годы, хоть как-то облегчит нынешние сиротские страдания (хотел убрать эту фразу, но это тоже правда). Многих из моих друзей уже нет в живых.

Детство бывает разное, и зависит оно только от родителей. Только они ответственны за детство своих детей.

Мне не хотелось бы, чтобы эта книга звучала обвинением родителям, не о них речь, для них скорее – «не суди, да не судим будешь». Но детские дома есть и будут существовать еще очень долго, и надо суметь помочь детям-сиротам обрести себя, понять мироустройство и найти в себе мотивы Надежды, Веры и Любви. Всё это как «живая вода» их раненым душам. Любите этих и всех детей, и они будут счастливы.

Хотел бы, чтобы мои воспоминания прочли педагоги, работающие с детьми-сиротами в детских домах. У меня не будет советов и предложений, как быть. В этих воспоминаниях просто рассказывается, как было, было у меня и моих друзей, лишенных родительской любви, семьи и получивших взамен «системное воспитание». Спустя годы могу назвать детский дом одним этим словом – «система». Может, кому-то из педагогов эти воспоминания помогут понять эту систему, разобраться в хитросплетениях взаимоотношений всех участников «процесса».

Детские дома отстают от быстро меняющегося времени «внешнего мира» из-за их закрытости от общества, внутреннего «порядка». Маневрировать «во времени» сиротам значительно тяжелее, чем детям домашним. Суметь оценить детей, их старания и желание жить максимально счастливо, как это только возможно в детском доме, содействовать им в этом и помогать в дальнейшем – это так важно. Дети, любые дети хотят радости и тепла... Надо постараться помочь им обрести это тепло.

Часть 1

Всё вспомнить!

Петрозаводск. Вечер

Прогулял собаку (о ее судьбе напишу чуть ниже), подышал воздухом, будто перед погружением. Посетил собор Александра Невского, пошептал молитву. Готовлюсь. Знаю, что именно сегодня писать о детдомовском детстве.

Долго выбирал музыку, под которую будет легче работать, выбрал песни из кинофильмов Рязанова – под них жил, значит, и вспоминать под них... Потом поставлю Марка Бернеса, он мне близок, очень... Жизни, как песни, разные.

Не думал, что так нелегко вспоминать прожитое, пережитое... А что в жизни просто? Важно начать... Нет, поставлю Бернеса раньше, предсмертный диск, очень уж голос печальный...

Да, именно Петрозаводск и никак иначе. А ведь могла быть, например, Москва. Или Суздаль, Владимир, Судогда, Собинка – в общем, вся Владимирская область. Именно там

прошло мое странное детство. Там меня кидало, мотало из одного детского дома в другой...

В 1990-м, после трехлетней службы на флоте, мне было всё равно, куда ехать. Меня не ждали – везде. Можно было выйти на любом полустанке. Я вышел в Петрозаводске. О чем не жалею. Эдакая странная свобода, свобода выбора свободы...

Отказник

Фраза «все мы родом из детства» и про меня, и не про меня. Не было у меня детства, того, что бывает у всех. Сладкого, веселого, беззаботного, с Мамой и Папой. Я знаю лишь Того, кто меня создал. Он там, наверху... Так легче. Представить тех, кто меня родил и оставил, трудно, мучительно трудно... За что?

Кажется, что помню себя совсем маленьким, как ни странно – только что родившимся, понимающим, что меня оставляют в роддоме. Я спрашиваю глазами: как мои дела? Что-то белое, которому неловко смотреть мне в глаза. А «оно» всё причитает: «Мама придет, мама придет...»

Эта странная фраза врезалась в меня, как в пароход торпеда. Куда и зачем от меня уходит моей маме? «Белое» уже знает, что мать не придет. Знаю и я. Но «их» так научили говорить «правду», чтобы ребенок не ёрзал, не плакал – молчал, как перед расстрелом.

Потом я очень долго не слышал эти четыре буквы, очень долго: М, А, П, А. И нелепо потом звучал вопрос в детских домах: ты любишь свою маму? Какую маму? Чью маму? Покажите мне ее, может, я и дам ответ... К чему эти иллю-

зии о маме, которой нет рядом? Иллюзии мешают жить... Уже потом, выпускаясь из детского дома, ковыряясь в «отпускных документах», я встретил мятые строки корявой записки: «Отказываюсь от сына, потому что не могу...» Жалею, что бросил на ветер этот желтый бумажный листок, как когда-то был брошен сам. Видимо, гены – всё бросать... Наверное, я тогда пожалел мать... Но по незнанию я много чего выкинул в жизни. Теперь на руках лишь одна ламинированная справка: жил в детском доме, печать. И ничего более...

Печать на всю жизнь.

Начало

Поискав в наших головах насекомых и поставив диагноз – педикулез, меня и сотоварищей отправили в Гусь-Хрустальный – красивый русский старинный город – город подпольного хрусталя.

В каждом новом детском учреждении всех и всегда почему-то интересовала моя фамилия. Меня спрашивали, знаю ли я азербайджанский. Это было нелепо, ведь известно, что я родом из роддома. Я и русского-то толком еще не знал. Но спрашивали, не задумываясь. Порой просто из праздного любопытства. Так заглядывают иногда в аквариум, чтобы спросить, как зовут рыбку. Но я же не рыбка, хотя... Одно время я даже хотел сменить фамилию – на Колокольцева, например...

Сад-огород

Наш «сад-огород» находился возле рынка. Мы занимались тем, что стояли около забора и жалобно смотрели на прохожих, – уже тогда мы начинали «сиротствовать», зная, что ждать участия нам больше неоткуда. Иногда нам кое-что подавали. Больше всех перепадало мне, видно, «красиво» делал глаза. Прохожие пихали нам в кармашки семечки, конфеты, соленые огурцы... И в дальнейшем «сиротство» часто спасало, помогало выжить. И можно ли винить детей, которым самим приходится искать страну радостного, «сладкого» детства?

«Воспы»

Воспитатели, они же «воспы», частенько собирались в беседке, курили «Беломор» и говорили о том, о сем. Я, притаившись поблизости, подслушивал, за что мне иногда доставалось. А мне было интересно, о чем говорят взрослые тети, у которых столько личных проблем на работе и дома. Чтобы меня не поймали в очередной раз, я заползал под беседку и, лежа на земле, подложив под голову руки, слушал «кинорадио».

О чем только они не говорили: о зарплате, о кухне, о директоре... И обо всем смачно, грязно, порой с ненавистью. Но больше всего доставалось мужьям. Он такой-сякой, убила бы – говорила одна, а другая вторила: и я бы своего убила. Я не знал, кто такие мужья, мне думалось, это собаки или еще какие-то животные. Особенно помню одну «воспу»

в кожаном пальто, всегда с беломориной в черных зубах. Нас она называла товарищами, а воспитательниц – дорогими товарищами... Она не очень-то следила за нами. Бывало, стоит со своей папиросой и смотрит куда-то вдаль. А мы копошимся где ни попадя. Однажды я даже свалился в бассейн с фонтаном, потянувшись за желтым осенним листком.

Наказания у нас были разнообразные. Иногда ставили на колени на пшено или другую крупу. Не раз и мне доводилось, как, впрочем, и всем. В «саду» жили два попугая, у них-то и заимствовали «продукты» для этих целей.

С тех пор попугаев не завожу.

Ночь

Вечером в «саду» стоял ор. Орала все дети, от мала до велика. Просто на работу вышла «нянечка». Не помню ни ее лица, ни комплекции, ни возраста, ни имени, ничего – всё как-то стерлось из памяти. Помню часы «Заря» на металлическом браслете. Зло запоминается плохо, спасибо памяти за это.

«Няня» повадилась ходить ночью в кочегарку к кочегару. А в качестве профилактики нашей бессонницы вместо лекарства для крепкого сна она использовала игровую резиновую лопату. Мы покорно откидывали одеяла, а головы прятали под подушки – шла «дубаска». Лопата была такая жесткая – тогда не делали мягких, жаль... Проведя профилактическую работу, «няня», довольная, уходила на всю ночь. А за окном темень, ветер, деревья скребутся лапами-ветками в окна... Страшно. А позвать некого. Так было всегда – некого было звать и потом. Надеяться только на

себя мы приучались в самом младенчестве. Вы скажете – и хорошо. Но тогда зачем вокруг нас столько персонала? И чем они занимаются?..

У «няни» с кочегаром часто бывали разборки, она запирала дверь, он бегал под окнами, орал что-то непотребное. Многие от страха стали писаться в постели. Ночь как время суток на всё детство стала мне ненавистна.

Когда «няня» «кочегарила», впервые мы начали самостоятельно ходить «на горшок». Для этого надо было встать, пойти в туалет, влезть на табурет, достать «подписанный» фруктами и овощами вместо имен горшок и справить в него нужду. Я чаще всего был «арбузом» или «кабачком». Настоящий «сад-огород», где мы – фруктово-ягодные дети...

Как-то раз, когда я доставал свой «кабачок», все горшки свалились мне на голову и пробили ее. Так на голове появился первый шрам. В дальнейшем их будет немало, но этот был первый, починный. Испугавшись, я лег в кровать, а кровь всё текла... «Няньку» уволили (тогда за это не судили), но тут же взяли в другое учреждение. Какой директор честно напишет о своем недосмотре? Но пришли другие «няньки», с другими методами борьбы с детьми. Они включали свет среди ночи, грозно вопрошая, кто хочет писать... Теперь сплю чутко. Жду, когда позовут.

День

Всё вокруг нас было крайне убогим. Может, время было такое? Старая мебель, старая одежда, старые, громоздкие игрушки... Помню грузовик, железный – ну очень большой... Мы никогда не играли в войну, дочери-матери. Мы

получали каждый какую-то свою игрушку и тупо сидели возле нее. Потом обменивались. Мы никогда не дрались – нечего делить, всё улажено-налажено. Правда, как-то раз кто-то ударил меня машиной, той самой, железной, я ударил в ответ деревянным конем. Потом долго стояли «в пшене», «прорастали».

Кормили одним и тем же: суп, макароны с картошкой, кисель с белым хлебом. Съедали всё до крошки. «Воспы» грозились, что если кто не доест – «чебурашку» не увидит. Этот метод кнута и пряника в дальнейшем применялся часто. Приходилось подчиняться. А куда денешься с подводной лодки? Иногда даже и сейчас ловлю себя на том, что ем, как собака у будки: глотаю быстро, давлую кусками. Не умею есть. Зато я всеяден, что в наше время, в общем-то, приветствуется. Каша? Давай кашу. Компот? Согласен и на компот... Без разницы. Так легко потом детдомовцам на «зоне» – всё равно, чем живот набить. Нас словно и готовят для такой жизни. И еще мы должны быть признательны за «образование»...

Мы всегда запасались хлебом: сушили куски на батареях, а ночью грызли, как хомяки. Особым шиком считалось – приготовить жареный хлеб. Для этого надо прижать кусок раскаленным утюгом – голь на выдумки хитра.

Конечно, было чем поживиться крысам: все батареи, все углы в палатах были забиты сухим хлебом. Уборщиц не было, мы убрали весь детский дом сами. А «хлебосушка» функционировала всегда, вплоть до ПТУ, да и в ПТУ тоже.

Верите, чего-то светлого в «саду» не помню. Может, и было что, но забылось. Один день был похож на другой. Подъем, обтирание сырой варежкой перед открытым окном, прыжки на холодном полу... Нет, был как-то случай. Одна повариха стала брать меня домой – вместе с продуктами. Может, из жалости. Как-то раз я съел у нее все конфеты в буфете. Было смешно, что она, взрослая тетя, говорила

со мной, как с новорожденным. Видно, у нее не было детей, хотелось «посюсюкать», а я – в буфет, и конфетам – привет... В общем, развеял ее мечты по поводу материнства. Она от-материла меня и вернула в детский дом. Мне же было все равно, я наелся конфет надолго, еще и товарищам принес... Больше она меня домой к себе не брала.

Первая больница

У меня развилось заражение крови, и меня отправили в больницу, в «нулевую» палату. Больница была деревянная. Я целыми днями лежал в кровати, на спинке которой висела какая-то бирочка – с именем, наверное.

Этот период помню фрагментами. Часто приходили врачи. Смотрели на меня, я на них. Они говорили: долго он не протянет. А я думал: что, что я не протяну?.. Меня носили на табуретке в процедурную. Большим шприцем «тянули» из одной руки странную черную кровь, а в другую руку вливали красную – во мне много чужой крови. Ко мне никто не приходил. Моя прикроватная тумбочка была всегда пуста. Помню, когда я понял, что всё будет хорошо: проснулся среди ночи, а на моей груди сидит кошка. Я не мог ее погладить, но она стала часто приходиться.

Однажды я пролил какую-то микстуру – пузырьки и баночки с лекарствами в большом количестве стояли на табуретке у кровати. Я поднялся с постели и, шатаясь, пошел в туалет – искать тряпку. Я передвигался, держась за стенку, и сидящие на посту медицинские сестры отметили, что я иду. В туалете я взял тряпку, принес в палату и, обессиленный, рухнул возле кровати. Так и пролежал до утра на тряпке.

А потом наступила весна. Она ворвалась в распахнутые окна больницы птичьим гамом, заново освятив мое существование. Я подходил к окну, упирался лбом в оконную раму и смотрел и слушал весну. Потом меня стали отпускать на улицу. Я сидел на лавочке. Рядом кто-то чирикал, небо было синее, трава зеленая – жизнь продолжалась.

Ко мне стали приходиться больные из других палат с гостинцами, и моя тумбочка теперь никогда не была пустою. Чужие люди садились на краешек моей кровати и говорили со мной... В больнице я провел около года. Но потом меня вернули «на место» – в «сад-огород».

Мой первый выпускной

В 1975-м в нашем «саду-огороде» состоялся выпуск. До сих пор помню запах одинаковой одежды, которую нам выдали. Ранцы, пеналы, линейки и прочее – всё было один в один. Мы заглядывали друг к другу в пеналы, искали что-то не похожее, отличное – «красивое», и не находили.

Помню, директор построила всех, как перед отправкой на фронт, и зачитала, куда и в какой детский дом уезжает каждый из нас. А нам было всё равно – куда. Душа под формой радовалась: нас ждут какие-то перемены, пшено и «воспы» в прошлом... А зря радовались. Потом я уже редко верил в перемены к лучшему, так как за время пребывания в детских домах редко видел, чтобы плохое перестало быть плохим, просто одно плохое сменялось другим плохим. Уже когда нас посадили в автобус, к нему подошла какая-то бабушка и, назвав мою фамилию, спросила, где я. А ей «честно» сказали, что я в корпусе...

Так «воспы» могли бы изменить мою судьбу, но им не хотелось тратить на меня время, разбираться, кто и зачем интересуется мною. Я не знаю, что за бабушка это была, но может... а вдруг?..

«Воспы» в последний раз сказали слова прощания, и мы поехали. Я прильнул к стеклу и смотрел, как уходит «сад-огород», как уплывает город – в прошлое, в даль, в «файл памяти»...

На наши места в «сад-огород» пришли новенькие. Конвейер, который лишил детства в семье, работал исправно. Самое простое – забрать из семьи, лишить всех прав...

Детский дом – соломинка для того, кто уже утонул.

НОВЫЙ, ну очень НОВЫЙ

Меня отправили в поселок Новый Гусь-Хрустального района в старый деревянный детский дом. Странно, практически не помню светлых и красивых детских домов. Все они были крайне убоги и стары, как будто детство «такого» ребенка может проходить только в «таком» месте – чтобы не смущать, не давать надежду, не соблазнять. Новые здания для детских домов не строились, не строятся и сейчас. Зачем? Нужны ведь только стены и крыша над головой. Это была «забота» государства – трудно должно быть во всем и с самого начала. Если посмотреть на фотографии моих детских домов, не поймешь – то ли это психиатрическая больница, то ли что-то похуже.